

ТАЙСКА КИРОВА

ОСОБАЯ МИЛОСТЬ

Таиска Кирова
Особая милость

«Автор»

2018

Кирова Т.

Особая милость / Т. Кирова — «Автор», 2018

Старик, известный своим благочестием, встречает смерть и получает от нее дар - возможность изменить прошлые поступки, которые не дают ему спокойно спать. Но так ли уж хороша особая милость высших сил?

© Кирова Т., 2018

© Автор, 2018

Таиска Кирова

Особая милость

В предгорье в одной деревушке жил старец. Такой древний, что имени его никто и не помнил, но за благочестие и милосердие, получивший прозвище – Намольник. Даровано было ему свыше искусство лечить болезни. Где молитвой, где заговором и травами старец помогал страждущим, не делая различий между богатым и бедняком. Однажды, под вечер в дверь к Намольнику постучал деревенский кузнец, мол, жена третий день хворает, с постели не встает. Надьсь белье на речке полоскала, да случайно в прорубь и свалилась. Хорошо, соседки вытащили, а то так бы под лед и ушла. Ну, делать нечего, собрал старец снадобья, накинул тулуп и вышел во двор. Кузнец не поленился, хоть и недалеко, а на санях приехал, чтоб, значит, лекарю по морозу не идти. Перекрестились и поехали.

С первого взгляда Намольник понял, что звать надо было не его, а священника. Больная, укрытая тяжелой овчиной в жарко натопленной избе, мелко дрожала от озноба. Запавшие глаза лихорадочно блестели, на лице лежала печать смерти. Опечаленный вестью кузнец, отправился за батюшкой, который содержал приход в соседней деревне, а лекарь остался присмотреть за умирающей. В полночь со двора почудился ему странный шум. Намольник вышел на крыльцо, но никого не увидел. Только деревья качают голыми макушками да собаки лают по округе. Вернулся он в избу, глядь, а над изголовьем больной кто-то склонился. Со спины, вроде, девица в длинной белой рубахе, босая, а на голове венок из цветов, от которых по избе тонкий аромат разливается. По подолу красный узор вьется, будто капли крови. Может, кто из детей с печки спустился, подумал лекарь. Но, услышав шаги за спиной, незнакомка выпрямилась и говорит:

– Остановись, старик. Негоже тебе видеть мое лицо, не за тобой пришла.

Голос молодой, звонкий. Точно – девка, или нет? Посмотрел старец по сторонам. Свечи горят, не шелохнутся, кошка на лавке калачиком спит, а вокруг такая тишь. Даже собачьего брѣха с улицы не слышать. А еще, откуда цветы посреди зимы-то? Тут и смекнул лекарь, что это сама Маруша за душой пришла. Упал он перед ней на колени и начал просить за болящую, чтобы пожалела малых деток и не оставляла их сиротами:

– О, милостивая, уж коли так тебе нужен кто, так меня заведи. Я стар и с радостью пойду с тобой.

А сам головы не поднимает, как велено, ничком в пол уткнулся, белой бородой пол метет. Страх, он и малому и старому одинаково услужлив.

– Вижу я, что слова твои идут из самого сердца, – отвечает ему Маруша, – и хотя паутина ее жизни почти сплетена, я выполню твою просьбу. Возьми мой волос и иди к заброшенной штольне, что за медвежьим перелеском прячется. Коли не боишься, найди в горе ту, что за всеми приглядывает, ей волос и отдай. Времени даю день, если не успеешь, пеняй на себя. И помни, в следующий раз, когда меня увидишь – за тобой буду. Да никому не сказывай про наш уговор.

Махнула рукой и вмиг исчезла, лишь на том месте, где стояла, осталось лежать колечко из скрученного волоса, отливающего золотом.

Тут и кузнец вернулся домой. Намольник пристал к нему, мол, пока лошадь не распрягай, свежи меня к старой штольне, да факелов охалку захвати. А кузнечиха совсем плоха, затихла, еле дышит. Батюшка отходную молитву читает, кадилом размахивает. Ладаном всех чертей по округе разогнал. Лекарь опять за свое – вези да вези. Кузнец и согласился. Пока по накатанному ехали, лошаденка резво бежала, а как свернули с дороги, так и замедлились.

– Это место дурным считается, – сказывал кузнец. – Поговаривают, что сама Паучиха там гнездо свила. Уж, столько людей оттуда не возвратилось.

Намольник кивал да отмалчивался. Лошадка понуро брела по нетронутому снегу сквозь редколесье. Благо, луна – полнобокая – услужливо освещала путь. Морозец, как только выехали на равнину, принялся щипать нос и щеки. Старик завозился в санях, зарываясь в солому, и закрыл глаза. Сон был старинный, знакомый. Всякий раз, когда старик возвращался в него, действие начиналось с самого начала. Менялся только он сам. На этот раз он был сорокой и наблюдал с высокой ели, укрытый тяжелыми лапами. Там тоже шел снег. Огромные мохнатые снежинки медленно танцевали в воздухе, падали вниз, пряча следы, окрашенные красным. Потом он закричал и проснулся. К утру добрались до нужного места, где уговорились снова встретиться через день. Пришлось, конечно, повозиться – вход в гору оказался завален тяжелыми бревнами. Одному старцу нипочем бы не справиться, но кузнец, хоть и торопился домой, все же подсобил. Когда завал расчистили, кузнец сунул лекарю бутылку с водой и несколько кукурузных лепешек в узелке, махнул на прощанье и уехал. Оставшись один, старик взвалил на спину вязанку факелов и вошел в гору. Совсем скоро проход извернулся влево, и Намольник зажег первый факел. Кое-где подпорки оказались сломаны, что делало затею еще более опасной. Пол под ногами, усыпанный неровной каменной крошкой, замедлял продвижение вперед. С потолка свисали лоскуты паутины, в тишине горы слышно было, как шуршит, осыпаясь, порода по стенам. В спертном затхлом воздухе свежим сквозняком скользило дыхание зимы. Бормоча молитвы и крестясь, старец уходил все дальше и дальше. Потом коридор раздвоился. Правый рукав закончился тупиком, левый разделился на три. После многочасовых блужданий путник оказался в большой пещере. Высоко над головой с потолка лился тусклый свет зимнего дня в небольшое круглое отверстие. Прямо под ним в полу размещался колодец. Несмотря на освещение, дно колодца скрывала непроглядная смрадная тьма. Брошенный камень, а затем и факел убедили, что если и есть дно, то очень глубоко. Тут старик решил передохнуть, сел на пол и достал припасы. После еды сморил его сон, словно кто околдовал. Вроде, только глаза закрыл, а проспал до самой ночи и проснулся от звука бубенцов. Спросонья показалось, что все еще едет на санях под звездным небом. Но вместо мягкой соломы под боком холодил каменный пол, а звезды и не звезды вовсе, а самые настоящие глаза. Тысячи маленьких блестящих глазок, смотрящих прямо на него. Испугался старец, в спешке зажег факел и увидел, что стены движутся, переливаются волнами, будто серый шелк колышется на ветру. Пауки, крошечные, одинаково мерзкие, от пола и до самого потолка. Опять послышался звон бубенцов, совсем рядом возле колодца. Намольник поднял факел повыше, и, наконец, заметил ее. Древняя старуха, худая как щепка, с посохом в руке. Волосы белые самоцветным обручем перехвачены. Платье из тяжелого темного бархата, дорогое, все расшито золотой нитью и жемчугами. Старуха качнула посох, снова раздался звон. Повинуясь команде, пауки ринулись вниз. В мгновение ока пол наводнили мелкие создания. Все они торопились на зов, не замечая оцепеневшего от омерзения лекаря. Старуха терпеливо ждала, пока живые ручейки стекались к ней отовсюду. На секунду задержавшись у подола длинного платья, они устремились вверх, по складкам, по рукам, лицу и голове. Над всем этим безобразием в воздухе кружились обрывки паутины. Очень скоро на полу не осталось ни одного паука, а старуху укрыл толстый плащ из маленьких копошащихся тварей. Паучиха отвернулась, чтобы уйти, и Намольник окликнул ее, удивленный, что его не заметили. Когда он подошел ближе, так, что смог разглядеть ее лицо, то увидел, что она слепа. Вместо глаз в глазницах копошились серые клубки, время от времени распадаясь на части. Ведьма открыла рот, оттуда тоже выкарабкались несколько смельчаков и по подбородку побежали вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.